

Население республики осознает свое право на самоопределение и имеет его

В условиях биполярного мира до развала Советского Союза в практике международных отношений проблема "непризнанных государств" не имела актуального звучания. Устойчивое и продолжительное существование непризнанной государственности на Тайване (КНР) и Кипре (Турецкая республика Северного Кипра) рассматривалось в целом как исключение из общепринятой практики категорического запрета на образование новых государств.

Со времени Хельсинкских соглашений территориальная целостность существующих государств представляла некую «священную корову». Любые трения, приобретавшие порой острый характер (конфликты в Ольстере, в Южном Тироле, в Индии, в Таиланде, проблема курдов в Турции и Ираке, сепаратистские поползновения Квебека и т.д.), - все они изучались международными организациями и умиротворялись исключительно на условиях нерушимости границ и территориальной целостности признанных государств.

Эта политика была логичной и целесообразной в системе стабильных взаимоотношений, поскольку гарантировала сохранение всеобщего мира и невозможность разрастания региональных внутригосударственных конфликтов до масштабов международных. Положение коренным образом меняется в начале 90-х годов XX века. Распад СССР вызвал цепную реакцию территориальных изменений в Европе, которые осуществлялись в одних случаях сравнительно спокойно (Чехословакия), в других - с применением насилия, вооруженной борьбы и даже бомбардировок натовской авиацией мирного густонаселенного города Белграда, одной из прекрасных европейских столиц. На территории бывшего Советского Союза во время его насильственного развала создается множество государственных образований, не подконтрольных властям бывших «республик-сестер», - Нагорно-Карабахская республика, Южная Осетия, Чеченская республика Ичкерия, Приднестровская Молдавская Республика, Абхазия.

Ельцинский призыв «Берите суверенитета, сколько сможете проглотить!» породил у «демократической общественности» настроения необходимости скорейшего развала надоевшего всем, как ей казалось, общежития. С другой стороны, искусственно раздуваемая «творческой интеллигенцией» и властями национальных республик пещерная русофобия породила в самой России психологию типа «пусть накушаются и подавятся; пусть националистический бык ворвется в настезь открытые ворота и упрется рогами в противоположную стенку». Формирование непризнанной государственности после уничтожения СССР сопровождалось вспышками насилия, кровопролитными конфликтами, экономической, финансовой, политической, информационной блокадами, постоянным расширением числа участников конфликтов и многими другими опасными последствиями.

Попытки подавления "самопровозглашенных" республик, блокады и массированное применение вооруженных сил, где бы они ни происходили (в Боснии или Азербайджане, в Грузии или Молдове, в России или Ираке), представляли и представляют реальную угрозу международной безопасности. В этих условиях все призывы к соблюдению территориальной целостности и нерушимости границ признанных ООН государств оказываются несостоятельными и бесполезными, ссылки на Хельсинкские договоренности - неубедительными, а стремление к силовому решению проблем представляется не только бесчеловечным и бессмысленным, но и опасным для мира и процветания непосредственных участников конфликта, их соседей и союзников. Это со всей очевидностью доказала война России в Чечне, война Молдовы в Приднестровье, война Грузии в Абхазии, в Южной Осетии и все прочие трагические события такого рода, не принесшие ничего, кроме горя и страданий вовлеченным в них народам. А после кровавого вырывания из тела Сербии ее исторической территории Косово все разговоры о нерушимости границ приобрели какой-то лицемерный иезуитский характер. Логичное и оправданное в этих условиях признание Россией суверенитета Абхазии и Южной Осетии ставит точку на этом спектакле абсурда и двойных стандартов.

Совершенно очевидно также и то, что проблема "священной" нерушимости границ (а фактически запрета самоопределения народов и создания собственной государственности) должна получать теперь справедливое разрешение в каждом отдельном случае на основе индивидуального подхода. А оно предполагает всестороннее изучение исторических, этнических, политических, экономических и прочих аспектов проблемы становления и развития каждого из непризнанных государств, а главное - учет интересов и воли проживающего на данной территории населения. В этом отношении весьма удобной моделью для подобного эксперимента мог бы представить Крым или, например, Приднестровье.

На протяжении многих веков и даже тысячелетий Приднестровье выполняло весьма

специфическую функцию геополитического пограничья. Географический фактор всегда имел в жизни местного населения если и не определяющее, то весьма и весьма важное значение. На Днестре граничили восточно-романский мир, восточно-славянская православная цивилизация, западославянская католическая культура и культура тюркоязычных народов Северного Причерноморья. Этот фактор во многом определял исторически сложившиеся типы хозяйственной деятельности, формы и особенности политической структуры общества, этнодемографическую ситуацию внутри региона и в отношениях с соседями, менталитет и этнопсихологические установки различных поколений, направленные как вовне, так и внутрь общества.

Нынешняя структура населения Приднестровья сложилась в главных чертах в конце XVIII-XIX веков. Именно тогда происходило становление определенной этносоциальной приднестровской общности. Ее основными составляющими были несколько этносов. По переписи середины прошлого века, в Тираспольском уезде Херсонской губернии молдаване составляли 32 процента, украинцы - 43, русские - 7, немцы - 10, болгары - 5, остальные - около 3. Перепись 1926 года установила, что в МАССР молдаван – 30 процентов, украинцев - 48, русских - около 9, столько же евреев, прочих - около 5. Перепись населения накануне краха единой страны (1989 год) с уточняющими коррективами рисует следующую картину: молдаване составляли 33,5 процента, русские - 30, украинцы - около 30, болгары - 2, евреи - около 2, белорусы и гагаузы – по 0,6. А последняя перепись населения ПМР (2004 год) показала, что процент молдаван в населении республики – 31,9, украинцев – 28,8, русских – 30,4, болгар – 2,5, гагаузов – 0,7, немцев - 0,4, евреев – 0,2.

Как видно, ни один из этносов на протяжении последних двух веков не составлял в Приднестровье достоверного большинства. К настоящему времени здесь сложился примерный паритет в численности молдаван, украинцев, русских. Примечательно, что объединение каких-либо двух этносов (если такое было бы в принципе допустимо) ставит третий из них в заранее невыгодные условия. Другими словами, если один из этносов провозгласит себя здесь «коренным» и «хозяином» всей земли, он сразу же окажется меньшинством. Неслучайно провалились все попытки властей Молдовы в конце 80-х - 90-х годах, опираясь на местное, так называемое "коренное" население, провозгласить права нации выше прав человека и проводить политику румынизации. Эта политика встретила активный отпор со стороны всех этнических групп приднестровцев, в том числе и молдаван (за редкими единичными исключениями).

С другой стороны, столь же единодушным было движение за воссоздание государственности в Приднестровье по мере того, как тогдашняя номенклатурная партийная элита Молдовы все более откровенно брала курс на создание мононационального этнобюрократического режима. 3 декабря 1989 года в

приднестровском городе Рыбница прошел первый в СССР референдум, на котором более 90 процентов голосовавших высказались за создание в регионе собственной государственности. С января по август 1990 года в подобных референдумах во всех городах и районах Приднестровья приняли участие около 80 процентов избирателей. Количество приверженцев приднестровской государственности колебалось по различным населенным пунктам от 91 до 98 процентов. А 1 декабря 1991 года во время выборов президента ПМР был проведен референдум о независимости республики: за И.Н.Смирнова проголосовало 65 процентов, за независимость – 98 процентов избирателей.

Решение об образовании ПМР было принято 2 сентября 1990 года на съезде депутатов всех уровней, после изгнания из молдавского парламента депутатов от Приднестровья. На указанном съезде присутствовало 579 депутатов от Верховных Советов СССР и Молдовы, городских, районных и сельских Советов. Из них украинцы составляли около 50 процентов, русские - 31, молдаване - около 20, болгары - около 3, евреи - немногим более 1. Кроме того, среди делегатов были гагаузы, белорусы, поляки и немцы. Некоторое занижение процента молдаван среди делегатов съезда объясняется позицией тогдашнего партийного руководства Слободзейского района, препятствовавшего выезду делегатов. Как референдумы, так и выборы депутатов республиканских и местных органов власти, указывают на значительную политическую активность населения. Как правило, в них участвовали не менее двух третей из списочного состава избирателей.

Почти половина населения ПМР осознает себя в качестве особой этносоциокультурной общности, уникальной по своему характеру и выделяющейся из среды соседних близкородственных народов, сходство с которыми не ставится под сомнение. Формирование такого типа идентичности не могло осуществиться в короткое время и очевидно складывалось на протяжении длительного периода - десятилетий и даже столетий. Политические события последних лет, необходимость защищать себя от агрессивных поползновений Молдовы, вероятно, внесли ускорение в данный процесс.

Сохранение и развитие территориальной идентичности населения Приднестровья, формирование социокультурной полиэтнической общности народа региона способствует осознанию им своей уникальности и права на самоопределение. В условиях существующего паритета между различными этническими группами эти процессы превращаются в фактор долговременной и постоянной политической стабильности. Благодаря тому регион, взрывоопасный по определению, по своему геополитическому положению и значению, почти не знает межэтнических трений и конфликтов.

О стабильности и продолжительности действия указанного фактора говорит и то, что оба акта создания государственности на Днестре (в 1924 году - МАССР, в 1990 году - ПМР) были без особого напряжения трансформированы в феномен массового сознания. И этот феномен удовлетворял основные интересы и потребности большинства жителей региона. А вот отрицание кишиневскими властями основных ценностей приднестровского менталитета, попытки взорвать, переломать его ради построения мононационального государства привело к массовому возрождению идеи о воссоздании независимости территориально-государственных структур в регионе. Идея возрождения государственности как лучшей формы самосохранения и самозащиты очень быстро приобрела характер сверхценной и вполне соответствует сложившейся в Приднестровье территориальной идентичности к менталитету.

Государственность воспринимается населением ПМР как безопасная система, как территория, земля, защищенная от любых попыток разделить проживающий на ней народ по сортам – «коренные хозяева», «колонисты», «оккупанты», «пришельцы», «манкурты» и т. д. То, что пышным чертополохом расцвело в последние годы существования СССР и до сих пор душит на многих территориях все слабые побег цивилизации, человечности и справедливости, - то в ПМР просто немыслимо. Интенсивные процессы взаимной ассимиляции в Приднестровских землях, смешанные браки, переплетение этнокультурных традиций, обычаев и опыта народов привели к формированию здесь единой атмосферы и единой общности, хотя и состоящей из разных этносов. Эта атмосфера исключает этническое насилие.

В течение длительного времени в Приднестровье вырабатывался особый психологический тип людей, постоянно живущих в интернациональной среде. Для выживания и нормальной жизнедеятельности в этой среде было абсолютно необходимо чувство этнической толерантности, терпимости, дружелюбия. Эти качества заложены, видимо, в генотипе приднестровцев, воспитываются всем образом их жизни, всеми условиями их существования.

Законодательное (в Конституции ПМР) закрепление равноправия трех официальных языков, запрещение какой бы то ни было этнической или языковой дискриминации, политика полного приоритета прав личности над правами нации, класса или партии исключает появление каких-либо привилегированных этнических и социальных слоев. Все это полностью соответствует сложившемуся менталитету приднестровского народа и является питательной средой его территориальной и социокультурной идентичности.

Мировой кризис особенно сильно ударил по непризнанным государствам, которым неоткуда ждать помощи и поддержки и которые мировым сообществом признаются изгоями, а по, сути, являются без вины виноватыми преступниками, обреченными на смертную казнь. Но особенно опасными для Приднестровья и подобных ему непризнанных государств является неустройство и вражда внутри собственного политического класса и правящих структур. Перетягивание одеяла властных полномочий между различными ветвями власти, а тем более попытки ликвидировать одну из независимых ветвей власти под видом «гармонизации» с российским законодательством, вовсе не усилит возможного «победителя» в этой бессмысленной борьбе. Наоборот, оно может привести к его полному уничтожению, но уже не конкурентами из собственного лагеря, а реальными и недремлющими врагами. Раскол единства приднестровского народа, которого так добивался кишиневский режим и не сумел добиться за два десятилетия, оказался возможным в результате ошибок или предательства доморощенных туземных политиков. Впрочем, менталитет и мудрость народа, очевидно, фактор более весомый, чем некомпетентность, амбиции и тупость чиновников, пусть и самого высокого ранга.

Николай Бабилунга, Заведующий кафедрой отечественной истории Приднестровского государственного университета им. Т.Г.Шевченко, профессор